

Текстовая анафора: сочетание статистического и когнитивного подходов (на материале цахурского языка)

О.В.Федорова

МГУ

olja@bull.nmd.msu.ru

1. Введение. Указательные местоимения: дейксис и анафора.

Указательные местоимения традиционно включаются в число средств повторной номинации референтов в дискурсе. В существующих иерархиях, использующих понятие непрерывности или доступности топика (данное понятие ввел Т.Гивон в [Givón 1983]), им обычно отводится невысокое место: так, в работах [Ariel 1988; Ariel 1990] выделяются маркеры легкодоступности (нулевая анафора и анафорические местоимения, в качестве последних обычно выступают местоимения 3 лица), среднедоступности (указательные местоимения) и труднодоступности (полные ИГ); в работе [Gundel, Hedberg, Zacharski 1993] авторы различают редуцированные местоимения, которые обозначают референтов в фокусе внимания (анафорические местоимения), редуцированные местоимения, обозначающие активированных и хорошо известных референтов (указательные местоимения), а также неопределенные ИГ.

Данные иерархии релевантны для языков, которые имеют местоимения 3-го лица. Действительно, большое количество языков мира имеют трехчленную систему личных местоимений. Однако, это совсем не универсалия: существуют языки, в которых отсутствуют специальные средства выражения 3-го лица, в некоторых языках в качестве местоимения 3-го лица используются указательные местоимения (например, в латинском, турецком, японском, языках Дагестана). Для описания таких языков иерархии непрерывности топика должны быть скорректированы, поскольку отличать указательные местоимения в их первичной функции от указательных местоимений в функции личного местоимения 3 лица не представляется ни возможным, ни целесообразным. Кроме того, в некоторых из этих языков система указательных местоимений насчитывает три или более членов. Встает вопрос - как указательные местоимения подобных языков делят между собой функции местоимения 3-го лица? На подобные вопросы мы постараемся дать ответ, рассматривая текстовую функцию указательных местоимений цахурского языка.

Цахурский язык относится к лезгинской группе дагестанских языков, на нем говорят около 30 тысяч человек, проживающих в Рутульском районе республики Дагестан, а также в Закатальском и Кахском районах Азербайджана. Из наиболее значительных исследований цахурского языка отметим монографию "Цахурский язык" Г.Х.Ибрагимова [Ибрагимов 1990], а также коллективную монографию "Элементы цахурского языка в типологическом освещении" (редактор-составитель А.Е.Кибрик), которая была выпущена по результатам двух лингвистических экспедиций филологического факультета МГУ в село Мишлеш Рутульского района Дагестана [Элементы ... 1999]. Настоящая статья в значительной степени

основывается на данных этого последнего исследования; кроме этого, привлекаются собственные экспедиционные изыскания автора, описанные в [Федорова 1996].

Материалом предлагаемого анализа послужили 7 текстов из вышеупомянутой коллективной монографии (с. 770-859), представляющие различные речевые жанры: диалог-интервью, диалог-беседа, нарративное повествование, анекдот; всего было проанализировано 673 предложения, в которых представлено 530 употреблений описываемых указательных местоимений в дискурсивной функции (см. табл. 1).

Предлагаемое описание строится на сочетании когнитивного подхода, во многом опирающегося на работы Т.Гивона и Р.Лангакера, а также статистического анализа частоты встречаемости указательных местоимений в тексте. Для удобства представления материала будет предложена некоторая формализация полученных результатов.

1. Указательные местоимения цахурского языка (краткая справка).

Указательные местоимения цахурского языка, как отмечается в [Элементы ... 1999: 133] (автор данного раздела - Т.Б.Сосенская), образуют три ряда: ближний, *in*-ряд; средний, нейтральный, *m*-ряд и далекий, *j*-ряд. Значение местоимений складывается из значения тематической группы (место, время и под.) и значения ряда; нас в дальнейшем будут интересовать лишь указательные местоимения тематической группы 'тот'. Указательные местоимения образованы путем присоединения к элементу тематической группы показателя атрибутивизации, при помощи которого в цахурском языке оформляется любая зависимая ИГ: *ina*, *mana*, *jena*. Данные лексемы могут выступать как в функции определений и тогда они согласуются с вершинным именем по классу, числу и косвенности, так и субстантивированно, в таком случае они склоняются по атрибутивному типу склонения. Отметим здесь также, что данные указательные местоимения используются и в качестве местоимений 3-го лица.

Кроме перечисленных основных местоимений, в цахурском языке выделяются также указательные местоимения с дополнительными элементами *ha* и *ho*, которые по своему значению соответствуют русским указательным словам *вот* и *вон* соответственно [Элементы ... 1999: 136]. Данные указательные слова по-разному сочетаются с основными указательными местоимениями: при дейктическом употреблении возможно только *hajna*, *hamana* используется чаще, чем *homana*; а *hojena* - чаще, чем *hajjena*. Однако при анафорическом употреблении чаще используется элемент *ha* (указательные местоимения с этим элементом используются также в сравнительных конструкциях).

Указательные местоимения цахурского языка *ina*, *mana*, *jena*, как отмечается в [Элементы ... 1999: 670] (автор данного раздела - С.Ю.Толдова), не могут маркировать кореферентность актантов в одной предикации; основное употребление указательных местоимений в анафорической функции связано с дискурсом. Местоимение *mana*, как отмечает автор, маркирует "центрального персонажа текста в случаях, когда нарушены условия использования нулевой стратегии маркирования"; местоимение *ina* употребляется в случаях, когда "говорящий хочет явным образом указать, что именно данный референт является главным участником некоторой сцены"; местоимение *jena* маркирует "нецентрального участника эпизода, когда в некотором предложении повышается его коммуникативный статус" [там же].

К числу местоименных средств повторной номинации в дискурсе в цахурском языке относится также местоимение *wuD*, основная дискурсивная функция которого - "маркирование глобального фокуса в неприоритетной для него позиции" [там же], а также

нулевая анафора (об этом см. [Элементы ... 1999: 674 и далее], автор раздела - Я.Г.Тестелец).

2. Фрагменты когнитивной модели референциальной связности.

Многие положения данного раздела, как и само его название, во многом навеяны идеями работ известного современного американского лингвиста Т.Гивона (особенно его последних работ [Givón 1990; Givón 1995]). Эти идеи носят как общетеоретический характер, например: "чем более ожидаем референт, тем меньше усилий требуется для его обработки, и тем меньше формального материала затрачивается на его кодирование" (русский перевод цитаты из [Givón 1983] приводится по [Фундаментальные направления... 1997: 314]), так и многими конкретными положениями.

Определяя связность, вслед за Т.Гивоном, как повторяемость различных элементов через определенные интервалы в тексте, мы из шести описанных автором видов связности [Givón 1995: 343] остановимся лишь на одном - референциальной связности. Отметим прежде всего, что из трех уровней хранения информации, которые, опираясь на данные исследований психологов и нейрологов, выделяет Т.Гивон, - буферная память, эпизодическая память и долговременная семантическая память - именно эпизодическая память коррелирует с языковыми (лексическими и грамматическими) средствами связности текста. Остановимся чуть более подробно на устройстве эпизодической памяти. Согласно Т.Гивону, текст ментально представляется в виде сети связанных между собой узлов (network of connected nodes), каждому узлу приблизительно соответствует одна предикация. Эту структуру можно представлять как в виде иерархии, где узлы связаны между собой тем или иным количеством связей, так и в виде линейной последовательности таким образом, что каждый узел связан с предшествующим и последующим элементами. Т.Гивон полагает, что чем больше связей - линейных или иерархических - имеет некоторый узел, тем он более легко доступен (mentally-accessible). Далее, связывание узлов идет в двух направлениях: анафорическом и катафорическом. При катафорической операции, которую автор также называет активацией внимания, происходит открытие (активация) или закрытие (деактивация) узлов для встраивания новой информации; при анафорической операции происходит поиск в эпизодической памяти для нахождения референта. Т.Гивон характеризует каждый выбор с точки зрения маркированности: сохранение текущей информации не маркируется, а активация новой - всегда маркируется.

Кроме работ Т.Гивона мы в построении своей модели будем использовать идеи Р.Лангакера, сформулированные в [Langacker 1991], относительно точки референции (reference point). Точкой референции Р.Лангакер называет такую концептуализацию, которая используется потом для доступа к другим концептуализациям. Таким образом, дискурс разворачивается от одной точки референции со структурно подчиненными ей концептуализациями к другой. С понятием точки референции пересекается понятие фокуса внимания [Grosz 1981]. Традиционно данное понятие связывают с уровнем эпизода и выделяют локальный фокус внимания эпизода, другими словами, текущий топик, и глобальный фокус внимания эпизода, или гипертему эпизода. Получается, что референт, чья концептуализация является точкой референции, находится в глобальном фокусе эпизода, а "зацепленные" ею концептуализации могут в некоторый момент времени находиться в локальном фокусе.

При построении повторной номинации говорящий должен, не забывая об экономичности языковых усилий, сделать ее максимально приспособленной для того, чтобы слушающий мог правильно осуществить поиск в памяти. В современной лингвистической референциальной теории нет единства в понимании того, какие когнитивные механизмы отвечают за выбор того или иного референциального средства. В работах Т.Гивона

основным фактором считается линейное расстояние до антецедента [Givón 1983], а в работе Б.Фокс об анафоре в английском языке продемонстрировано, что выбор референциального средства зависит от риторической структуры ([Fox 1987]; о понятии риторической структуры см. [Mann, Matthiessen, Thompson 1992]). В работах Р.Томлина и А.А.Кибрика показано, что за выбор того или иного референциального средства отвечает степень активации референта в оперативной памяти говорящего. Р.Томлин считает выбор повторной номинации функцией от границ эпизода, т.е. эпизод является коррелятом рабочей памяти говорящего; границы эпизода - это сдвиги внимания, поэтому при повторной номинации в пределах эпизода используются анафорические местоимения, а через границу эпизода - полные ИГ [Tomlin 1987; Tomlin, Forrest, Pu, Kim in press]. Автор ссылается на работу [Gernsbacher 1990], в которой поддерживается идея эпизодной организации дискурса: для каждого нового эпизода говорящий строит свою подструктуру, ослабляя при этом доступность к элементам предыдущей подструктуры; поэтому, утверждает Гернсбахер, отсылка в другой эпизод осуществляется сложнее, чем в пределах данного эпизода. Р.Томлин переформулирует эти идеи с точки зрения теории макропропозиций [van Dijk 1980; ван Дейк, Кинч 1989]: в пределах эпизода, когда сохраняется одна и та же макропропозиция (единство места, времени, персонажей и т.д.) референт более доступен, чем при смене эпизода (и, соответственно, макропропозиции) [Tomlin, Forrest, Pu, Kim in press: 14]. В работах А.А.Кибрика при определении коэффициента активации учитывается множество факторов, касающихся характеристик как самого референта, так и окружающего дискурсивного контекста. Коэффициент активации предопределяет возможности, которыми располагает говорящий при выборе референциального средства. Существует несколько порогов активации: ниже первого редуцированные ИГ вообще невозможны, выше второго порога возможны как редуцированные, так и полные ИГ, выше третьего порога полные ИГ невозможны. Первый и третий пороги являются жесткими, второй - мягкий, в этом последнем случае сохраняется возможность свободного варьирования при выборе полного или редуцированного средства повторной номинации [Кибрик 1997; Kibrik 1996].

В конце данного раздела кратко подведем основные итоги. Существует некоторое хранилище информации, называемое эпизодической памятью, которое коррелирует с языковыми средствами связности текста. Для нас принципиально наличие в ней как иерархической, так и линейной структуры связности концептуализаций референтов данного дискурса. Некоторые концептуализации являются точками референции - вокруг них группируются концептуализации других референтов, образуя как бы "пучок" концептуализаций. Для того, чтобы реактивировать концептуализации данного "пучка" концептуализаций, достаточно реактивировать точку референции. Дискурс состоит из эпизодов, каждый из которых имеет свою макроструктуру. Точка референции и "зацепленные" ею концептуализации являются ментальным коррелятом эпизода в дискурсе. Таким образом формируется некоторое фокусное множество концептуализаций референтов; в каждый момент времени каждая концептуализация имеет тот или иной коэффициент активации. При повторной номинации референта выбор конкретного средства зависит от степени активации концептуализации данного референта, а также от места данной концептуализации в фокусном множестве и целей говорящего.

3. Дискурсивная функция указательных местоимений цахурского языка: попытка формализации.

В данном разделе вышеуказанные указательные местоимения цахурского языка (*Jena*, *ina*, *mana*, *haJena*, *hajna* и *hamana*) будут последовательно описаны сначала в самостоятельном употреблении, т.е. субстантивированно, а затем (кратко) в качестве определения при существительном. Первые три местоимения (*Jena*, *ina* и *mana*) в дальнейшем мы будем называть простыми, а вторые три (*haJena*, *hajna* и *hamana*) - сложными.

Предварительно введем основные понятия. Указательные местоимения в своей дейктической функции имеют определенное лексическое значение. Основная функция указательных местоимений состоит в указании на прагматические характеристики некоторого фрагмента действительности. При этом преследуются две основные цели: идентификация и привлечение внимания. Схематично это можно представить в виде круга, центр которого "заполнен" лексическим значением данного указательного местоимения, а сектора кольца соответствуют идентифицирующей функции и функции привлечения внимания.

Так выглядит указательное местоимение в своем основном, дейктическом значении. При анафорическом употреблении описанные составляющие перераспределяются следующим образом. Основное лексическое значение в той или иной степени выветривается; первичная дейктическая функция идентификации трансформируется в анафорическую функцию идентификации, а функция привлечения внимания трансформируется в выделительную, эмфатическую функцию. При этом каждая из перечисленных составляющих может при данном переходе от основной дейктической функции к анафорической сохраняться или выветриваться в той или иной степени. Рассмотрим предлагаемую формализацию более подробно на материале употребления местоимения *Јена*.

Простые местоимения

Јена ina mana

Местоимение *Јена*

Схематично анафорическое местоимение *Јена* выглядит следующим образом. Дейктическая функция идентификации переопределяется в анафорическую функцию идентификации. Степень анафоризации (выделяется 5 степеней проявления данного признака: 4 - максимальная, 3 - сильная, 2 - средняя, 1 - слабая и 0 - нулевая), зависит от частоты употребления данного местоимения в тексте (см. табл.1):

Местоимение	Свободное употребление	Связанное употребление	Всего в текстах
Јена	31	13	44
Ina	56	27	83
Mana	140	67	207
HaЈена	4	11	15
Hajna	16	68	84
hamana	35	62	97

Таблица 1. Распределение указательных местоимений цахурского языка в дискурсе.

В случае местоимения *Jena* степень анафоризации средняя. Степень эмфазы, т.е. степень субъективного выделения говорящим некоторого референта, который стоит за данным местоимением, для *Jena* нулевая (выделяются 2 степени эмфазы: 1 - положительная и 0 - нулевая). Зато степень сохранения пространственных "корней" для местоимения *Jena* - сильная (по данному признаку выделяются 3 степени: 2 - сильная, 1 - средняя и 0 - нулевая). Рассмотрим этот вопрос более подробно. Мы будем выделять 4 типа метафоры указательных местоимений (в данном случае - местоимения *Jena*) :

пространственная метафора - когда 'тот, дальний'-дейктическое при непосредственном указании переходит в 'тот, дальний'-относительно пространственной точки, где находится говорящий, или центра координат, т.е. того места, где происходит основное действие[1]. Данное отношение К.Бюлер называл "мысленным дейксисом" или "дейксисом представления", а у Ч.Филлмора подобное употребление дейктических элементов называется символическим, при наличии в этом же ряду жестового и анафорического употреблений :

1. 1. *Однажды Иса_i пошел в лес. Когда wiD_j вернулся из леса, Dupa_i старший брат_j уехал в*

Корш. Jena_j останется там одну неделю. Тогда ina_i расстроился.[Федорова 1996]

временная метафора - когда 'тот, дальний'-дейктическое при непосредственном указании переходит в 'тот, далекий'-относительно временной позиции говорящего, т.е. момента речи, или точки отсчета, т.е. того времени, когда происходит основное действие[2]. В данном эпизоде речь идет о том, что некоторое время назад в цахурскую школу приехали русские учителя и начали давать уроки русского языка:

2. 2. *Правда [есть], (Je-m-t-i]-е) они говорили: "русский язык тоже изучай", но не говорили: "а родной язык забудь". (=T5:213)[3]*

"родственная метафора" - когда 'тот, дальний'-дейктическое переходит в 'тот, дальний'-относительно родственного/дружеского статуса референтов. В приводимом ниже эпизоде описывается процедура свадебной раздачи подарков друзьям и родственникам со стороны

жениха: каждому достается по одному подарку, однако должна соблюдаться своеобразная иерархия: чем ближе некоторый родственник, тем более ценный подарок он получает:

3. Не в том дело [=Потом этого нет], (но) говорят же эти женщины: “Ну что, получил свою долю [= Смотри-ка, возьми долю]? Как (над тобой) насмехались: ([e-n-Gu-s) тому джурабы отнесли, (а) тебе всего лишь [=один] платок”. (=T5:187)

ролевая метафора – когда ‘тот, дальний’-дейктическое переходит в ‘тот, дальний’-относительно центральности данного референта для говорящего. В примере (4) описывается момент, когда работу животноводов приехала проверять комиссия из Москвы. Один из собеседников, отвлекаясь от основной линии повествования, объясняет, что такое тепляк для ягнят. Данный подэпизод встраивается в основной сюжет:

4. Ведь это {т.е. тепляк} мы как детскую люльку считаем, и если в ([e-n-[-e) нем внутри будет маленькое сырое место, (то) они ведь прилипают — легкие (ягнят). (=T6:71)

Таким образом, все дискурсивные функции местоимения *Jena* непосредственно связаны с его пространственными “корнями”.

Теперь перейдем к вопросу о том, какие референты могут быть маркированы местоимением *Jena*. Местоимение *Jena* может обозначать любого референта, чья концептуализация входит в число актуализованного “пучка” концептуализаций, кроме того референта, чья концептуализация является точкой референции, т.е. такой, вокруг которой в иерархической структуре эпизодической памяти группируются концептуализации всех остальных референтов. Расстояние, на которое местоимение *Jena* может отстоять от своего antecedента, измеряется не линейно, не количеством предикаций, а структурно: в момент первичной или повторной актуализации некоторой точки референции любая концептуализация, “зацепленная” точкой референции, может затем обозначаться при помощи местоимения *Jena*. Для обозначения данной связи мы будем использовать термин связь по фрейму, введенный в работе [Селезнев 1987: 73]. [4] Показателен в этом отношении следующий пример (5), в котором описывается приезд комиссии из Махачкалы и вводится Кади-Магомед Гусейнов - директор животноводческой станции. При повторной номинации он обозначается местоимением *Jena* в силу пространственной и/или ролевой метафоры:

5. Когда Гусейнов Кади-Магомед посмотрел {как одет Орудж}... (([e-n-Gu-k'le) он знал, кто здесь бригадир)... (=T6:47)

Через 40 предложений происходит реактивация эпизода приезда этой комиссии и Кади-Магомед опять обозначается при помощи местоимения *Jena*:

С одной стороны ([e-na=r) он {т.е. Кади} ведь прав: у чабана своя одежда есть...(=T6:85)

В ситуации, когда “зацепленных” концептуализаций оказывается более одной, т.е. потенциально возможна ситуация референциального конфликта, используются вспомогательные языковые средства поддержания референции, которые помогают слушающему однозначно восстановить референта. В цахурском языке к таким средствам в первую очередь относится классное согласование [5].

Местоимение *ina*

Степень анафоризации указательного местоимения *ina* в дискурсивной функции средняя, степень эмфазы, т.е. подчеркивания говорящим своего субъективного отношения к данному референту, - положительная, степень сохранения пространственного значения - средняя: из различных видов дейктической метафоры для местоимения *ina* в основном используется только пространственная метафора: 'этот, близкий'-дейктическое переходит в 'этот, близкий' относительно пространственной точки, где находится говорящий или центра координат, где происходит основное действие.

6. Однажды Иса_i пошел в лес. Когда wiD_i вернулся из леса, Dupa_i старший брат_i уехал в

Корш. Јепа_i останется там одну неделю. Тогда ina_i расстроился.[Федорова 1996]

С помощью местоимения *ina* может повторно вводиться любой референт, чья концептуализация входит в "пучок" актуализованных в настоящий момент концептуализаций: и такой референт, чья концептуализация является точкой референции, и те, чьи концептуализации занимают "зацепленное" положение. Расстояние до антецедента измеряется как связью по фрейму в тех случаях, когда имеет место пространственная метафора, так и линейно, когда функция данного местоимения ограничена эмфатической. В нижеприводимом эпизоде описывается момент, когда Темраз-конокрад пытается украсть лошадь у некоторого человека. Этот человек, хозяин украденной лошади, входит в число актуализованных в данном эпизоде референтов, однако его номинация не встречалась в тексте к этому моменту уже в 12 предложениях, и расстояние до антецедента измеряется здесь связью по фрейму:

7. У (i-n-Gu-ni) его {т.е. хозяина} ворот (огораживающих площадку перед домом) такие крепкие двери были, что (i-m-mu) их открыть возможности не было. (=T4:23)

Таким образом, местоимение *ina* используется в тех случаях, когда говорящий хочет подчеркнуть свое субъективное отношение к референту, чья концептуализация входит в "пучок" актуализованных концептуализаций, при небольшом линейном расстоянии и/или связи по фрейму.

Местоимение *mana*

Степень анафоризации местоимения *mana* - максимально возможная, его можно отнести к частотному средству поддержания референции в цахурском языке; степень эмфатического

выделения - нулевая, пространственный "след" практически нулевой.

Местоимение *тапа* обозначает любого референта, чья концептуализация входит в "пучок" актуализованных концептуализаций, как того, чья концептуализация является точкой референции, так и *любого* "зацепленного". Расстояние обычно измеряется линейно. Приводимый ниже эпизод взят из начала текста про вора в законе Ибрагима-пашу.

8. *Я видел (та-па) его в Махачкале, когда (он) был (уже) старым.*

Когда (та-па) он был молодым [=в молодое время], он был смелым и изворотливым человеком.

(та-п-Gu-qa=d) Ему пришлось много пережить [=у него много на голову пришедших дел было].

(Я) вам расскажу про (та-п-Gu-ni) него один рассказ. (=ТЗ:1-5)

Необходимо отметить важное свойство местоимения *тапа*: оно может обозначать референтов через границу эпизода, данное явление является редким для анафорических средств повторной номинации (местоимениям *ина* и *јена* подобное не свойственно).

Сложные местоимения

К данным местоимениям относятся *haјena*, *hajna* и *hamana*. Все они имеют в своем составе указательный элемент *ha*, который при дейксисе используется самостоятельно и обозначает ближайший объект. Таким образом, мы получаем, что первичная функция указательных местоимений - функция привлечения внимания - при анафорическом использовании переопределяется в эмфатическую (для местоимения *ина*), а затем на это значение накладывается та же первичная функция привлечения внимания, т.е. для местоимения *hajna* мы выделяем обе - и первичную, и вторичную - функции, а для местоимений *haјena* и *hamana* - только первичную функцию привлечения внимания. Данное значение лучше всего переводить на русский язык как *вот этот, именно этот*.

haјena

hajna

hamana

Приводимый ниже пример взят из текста, посвященного описанию семьи учителя Али, в данный момент речь идет об одной из его дочерей, которая упоминается непосредственно в предыдущем предложении. Заметим, что в этом примере наглядно проявляется различие

между местоимением *hamana*, которое привлекает внимание адресата, иногда усиливая его: *если именно ей именно этот стакан не доставался...*, и *mana*, функция которого чисто отсылочная:

9. [Потом] если (*hama-n-Gy-s*) ей (*ham-na*) этот стакан не доставался, (*ma-n-G-E*) она плохо себя вела [=так как ей этот стакан не достался, она из-за этого войну вела].(=T2:23)

Связанное употребление указательных местоимений

Вышеописанные указательные местоимения, употребляясь в качестве зависимого члена ИГ (такое употребление мы называем связанным), могут выполнять две функции:

сохраняя свой инвариант, данные местоимения употребляются в тех случаях, когда степень активации референта недостаточна для использования других, редуцированных средств повторной номинации. В первом из приводимых ниже отрывков об устройстве кошары (места, где находятся овцы и ягнята) в ряду прочего рассказывается, как в этой кошаре на землю кладется хворост. Через 4 предложения, продолжающих описание кошары, этот хворост повторно упоминается как нечто незначительное, при этом используется местоимение *Jena*:

10 Он строится как кошара [= Как кошара строящаяся вещь есть], вниз хворост кладут, а сверху крепко покрывают, (добротнo, как мать готовит люльку ребенку).(=T6:68)

В этом тепляке, я знаю, брат Ибрагим, чабаны перед тем как (*Je-n*) [этот] хворост настилать, ямки также делают, потом от ямки к ямке дорожки делают, как мелкие канавки, чтобы вода вниз {=та сырость} шла. (=T6:72)

указательные местоимения в составе ИГ употребляются в тех случаях, когда необходимо дать новую или изменить старую категоризацию данного референта (о подобном употреблении указательных местоимений в русском языке см. [Падучева 1985: 159]; Е.В.Падучева отмечает, что в таких случаях различие между дейксисом и анафорой размывается: такая ИГ "скорее обозначает объект, так или иначе возникший в общем поле зрения говорящих в предшествующем тексте, чем отсылает к его имени" [там же]).

В следующем отрывке рассказывается о сельской школе, в которой работала русская учительница. В данном эпизоде учительница находится в фокусе внимания, коэффициент активации высок, употребление полной ИГ объясняется изменением категоризации данного референта:

11. (ma-na) Эта старшая сестра {т.е. учительница} наших детей тяжело [=крепко] заболела. (=T1:39)

В примере (12) (предыдущее предложение: Сейчас скажу пару слов о самом Али) полное ИГ с указательным местоимением используется для того, чтобы подчеркнуть категоризацию Али как учителя:

12. (hama-na) Этот учитель очень достойный (человек), но из-за его дочери над ним немного издевались. (=T2:33)

4. Место заключения: распределение функций указательных местоимений при повторной номинации.

В этом разделе мы подведем основные итоги нашего исследования. Все описанные местоимения, за исключением местоимения *mana*, выполняют функцию повторной номинации референтов в пределах некоторого эпизода, за которым стоит ментальный актуализованный "пучок" концептуализаций этих референтов. Для каждой пары местоимений можно выделить инвариант и условия употребления:

местоимения *jena* и *hajena* предназначены для введения референтов, чья концептуализация не является точкой референции, по связи по фрейму;

местоимения *ina* и *hajna* предназначены для введения референтов, чья концептуализация может быть любой, на небольшом линейном расстоянии и/или по связи по фрейму для выделения;

местоимения *mana* и *hamana* предназначены для введения референтов, чья концептуализация может быть любой, на небольшом линейном расстоянии (изредка - по связи по фрейму).

Описывая расстояние, на которое может отстоять от своего antecedenta указательное местоимение цахурского языка, мы выделили два типа связи: связь по фрейму, характерная для местоимений *jena*, *hajena* и *ina*, и линейное расстояние, характерное для местоимений *mana*, *hamana*, *ina* и *hajna*. Подобное описание перекликается с работой Дж.Граймса, который писал, что существуют две стратегии поддержания референции: последовательная (выбор повторной номинации в зависимости от близости antecedenta) и тематическая (выбор в зависимости от статуса референта в тематической структуре дискурса) [Grimes 1975].

Местоимение *mana*, имеющее первичное дейктическое значение 'близкий к говорящему', обладает максимальной степенью анафоризации, не имеет пространственных корней и выделительного значения. Оно более других подходит на роль редуцированного средства поддержания референции - аналога местоимения 3-го лица. Именно это местоимение входит, на наш взгляд, наряду с нулевой анафорой и местоимением *wuD* в число основных редуцированных средств поддержания референции в цахурском языке. Местоимение *jena*, имеющее первичное дейктическое значение 'далекий от говорящего', используется для повторной номинации таких референтов, чья концептуализация не является точкой референции. В силу своего значения данное местоимение не может претендовать на роль основного и частотного средства поддержания референции. Используя местоимение *ina*,

имеющего первичное дейктическое значение 'ближайший к говорящему', говорящий подчеркивает свое отношение к обозначаемому референту; именно поэтому местоимение *ina* очень редко встречается в первом после интродуктивного употреблении, а также при передаче прямой речи. Местоимения *haJena*, *hajna* и *hamana* гораздо в меньшей степени предназначены для повторной номинации, чем их простые корреляты, хотя все они в той или иной степени наследуют основную инвариант значения местоимений *Jena*, *ina* и *mana*. Местоимения *haJena*, *hajna* и *hamana* при использовании их в тексте добавляют в речь говорящего усилительный, иногда контрастивный оттенок: 'вот этот', 'именно этот, а не другой', 'этот же'. Таким образом в них проявляется первичная функция указательных местоимений - функция привлечения внимания.

В заключении предложим систему ментальных операций говорящего, описывающих употребление указательных местоимений, в духе Т.Гивона:[6]

при повторной номинации

если коэффициент активации достаточен, выбери для номинации указательное местоимение:

если концептуализация данного референта не является точкой референции данного эпизода, выбирай между местоимениями *Jena* и *haJena*:

если твое отношение к данному референту нейтрально, выбери местоимение *Jena* (при тематической стратегии поддержания референции);

если ты хочешь привлечь к данному референту дополнительное внимание, выбери местоимение *haJena* (при тематической стратегии поддержания референции);

если концептуализация данного референта входит в "пучок" концептуализаций текущего эпизода, выбирай между местоимениями *mana*, *hamana*, *ina* и *hajna*:

если твое отношение к данному референту нейтрально, выбери местоимение *mana* (при последовательной стратегии поддержания референции);

если ты хочешь подчеркнуть свое субъективное отношение к референту, выбери местоимение *ina* (при последовательной стратегии поддержания референции);

если ты хочешь привлечь к данному референту дополнительное внимание, выбери местоимения *hajna* или *hamana* (при последовательной стратегии поддержания референции);

если антецедент данного референта находится за пределами данного эпизода, точнее, в предыдущем эпизоде, выбери местоимение *mana* (при последовательной стратегии поддержания референции).

Литература

ван Дейк Т, Кинч В. 1989 - Макростратегии // Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Ибрагимов Г.Х. 1990 - Цахурский язык. М., 1990.

Кибрик А.А. 1997 - Моделирование многофакторного процесса: вывод референциального средства в русском дискурсе // Вестник МГУ, № 4, 1997.

Падучева Е.В. 1985 - Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.

Селезнев М.Г. 1987 - Референция и номинация // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.

Федорова О.В. 1996 - Методика моделирования текстов для анализа фокусной анафоры // Труды Международного семинара Диалог'96 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1996.

Фундаментальные направления... 1977 - Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997.

Элементы ... 1999 - Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М., 1999.

Ariel M. 1988 - Referring and accessibility // Journal of Linguistics 24, 1988.

Ariel M. 1990 - Accessing noun phrase antecedents. London, 1990.

Fox B. 1987 - Anaphora in popular English narratives // Coherence and grounding in discourse. Amsterdam, 1987.

Gernsbacher M.A. 1990 - Language comprehension as structure building. N.J., 1990.

Givón T. 1983 - Topic continuity in discourse: introduction // Topic continuity in discourse: Quantified cross-language studies. Amsterdam, 1983.

Givón T. 1990 - Syntax: A functional-typological introduction. Vol.II. Amsterdam, 1990.

Givón T. 1995 - Functionalism and grammar. Amsterdam, 1995.

Grimes J. 1975 - The thread of discourse. Paris, 1975.

Grosz P.D. 1981 - Focus and description in natural language dialogues // Elements of discourse understanding. Cambridge, 1981.

Gundel J.K., Hedberg N., Zacharski R. 1993 - Cognitive status and the form of referring expression in discourse // Language 69. 1993.

Kibrik A.A. 1996 - Anaphora in Russian narrative prose: A cognitive account // Anaphora. 1996.

Langacker R. 1991 - Concept, image and symbol: the cognitive basis of grammar. Berlin-N.Y., 1991.

Mann W.C., Matthiessen C.M.I.M., Thompson S.A. 1992 - Rhetorical Structure Theory and text analysis // Discourse description: Diverse linguistic analyses of a fund-raising text. Amsterdam, 1992.

Tomlin R.S. 1987 - Linguistic reflections of cognitive events // Coherence and grounding in discourse. Amsterdam, 1987.

- [1] В работах по пространственному дейксису принято различать как минимум 3 объекта: говорящего, точку отсчета (центр координат) и самого референта, о котором идет речь; при этом место нахождения говорящего и центр координат часто не совпадают.
- [2] В работах по временному дейксису также принято различать 3 объекта: позицию говорящего, или момент речи, точку отсчета, или центр темпоральной координации, и время события, о котором идет речь.
- [3] Для того, чтобы не затруднять понимание примеров, мы будем приводить их в русском переводе, сохраняя на языке оригинала лишь значимую для нас лексику.
- [4] Возможно, термин *риторическое расстояние* также подходит для описания данной связи.
- [5] В цахурском языке выделяется 4 именных класса, к первому относятся обозначения разумных существ мужского пола; ко второму - обозначения разумных существ женского пола; третий и четвертый классы обслуживают неличные имена, классная принадлежность для данных имен является словарной информацией.
- [6] Отметим здесь, что все выявленные закономерности действуют как тенденции, а не как жесткие, запретительные правила.